

Sub specie aeternitatis

{ Дискуссия в Кантовской библиотеке }

Л.В. Поляков. Поскольку мы в гостях и наши хозяева много знают о том месте, в котором мы сегодня собрались, я попрошу хозяйку этого дома рассказать о нем.

И.С. Кузнецова. Уважаемые коллеги! Это здание, весь этот собор, до 1992 года лежало в руинах. Библиотека, в которой мы находимся, была восстановлена по фотографиям. Хотела бы рассказать о ее истории, потому что это необычно для Германии, чтобы в соборе находилась светская библиотека. В русской культуре такое принято – как вы помните, в Великом Новгороде в соборе хранилась библиотека, которая была как религиозной, так и светской. И в этом соборе до поры до времени не было никакой библиотеки. Но в XVII веке канцлер Восточной Пруссии Мартин фон Валленродт, выпускник Кенигсбергского университета, собрал большую по тем временам книжную коллекцию. Были у него отпечатанные книги и рукописные книги, были письма известных людей, например, Лютера. Собрав библиотеку, он перенес сильнейшее потрясение: в Кенигсберге очень часто бывали пожары, и в одном из них сгорел дворец герцогов Валленродтов, сгорела и библиотека. Мартин Валленродт убивался не столько по дворцу, сколько по библиотеке. Но затем собрался с духом и собрал вторую. В этом собрании тоже были манускрипты, инкунабулы, появилась и коллекция древних монет. Он завещал своим сыновьям сделать это собрание доступным для образования молодых людей. Герцог настолько дорожил библиотекой, что решил в завещании напугать сыновей: если они посмеют разбить собрание на части, его призрак восстанет из гроба и будет преследовать их. Впрочем, его сыновья были глубоко порядочными людьми. Один из них, Эрнст фон Валленродт, был ландмейстером Восточной Пруссии, он окончил университет, много путешествовал, бывал даже в Северной Африке и в Америке, привез сюда такую диковину, как шкура анаконды. И вот он решил, что надо отдать библиотеку университету – чтобы она оставалась в собственности Валленродтов, но ею пользовались преподаватели и студенты университета. Напомню, что собор принадлежал университету.

В университете не было места для библиотеки. Кант и другие профессора читали лекции на дому, поскольку в старой Альбертине были очень маленькие помещения. Тогда вспомнили об этом соборе. То, что вы видите, – лестница вниз, круглая башенка – были сделаны по заданию Валленродта. Внизу было написано: тот, кто собирается прийти в библиотеку, должен стряхнуть с обуви, с одежды грязь и дождевые капли, и, войдя в библиотеку, не портить книги ножом или ножницами. Работать здесь разрешалось во вторник и в четверг. Это было сделано в подражание Людовику XIV, который позволил пользоваться своей личной библиотекой придворным юристам. И вся обстановка библиотеки должна была напоминать библиотеку Людовика XIV, с такими же пальмовыми листьями и изображением рыцарей. Лучший резчик Кенигсберга Исаак Рига в течение девяти лет трудился над интерьером библиотеки.

В 1944 году британская авиация уничтожила 78% центра города. Когда вы поднимались, видели точный макет города на 1938 год – ничего, что представлено на этом макете, в августе 1944-го уже не существовало. При этом не был тронут ни один военный объект, не бомбили порт с кораблями и с базой горючего, никакие укрепления, форты англичане не бомбили – они предоставили это брать нашей армии.

Сгорела и библиотека. Впрочем, надо иметь в виду, что в 1909 году, когда было построено новое здание университета, семь тысяч книг передали университету и разместили их в старом здании. Поэтому там часть книг сохранилась. После войны их доставили в Подмоскowie, и в уже в 1980-х годах книги, имевшие штампы библиотеки Кенигсбергского университета, были возвращены. А знаменитая Серебряная библиотека из замка Кенигсберга была вывезена в район Алленштайна (нынешний Ольштын) и в настоящее время находится в Торунском университете.

Еще надо сказать, что в период, когда вся Восточная Пруссия принадлежала Российской империи, было очень серьезное отношение к этой библиотеке. Впервые была сделана полная опись, произведена каталогизация. Здесь имелись редкие вещи – крупнейшая в Европе

библиотека лютневой музыки, рукопись первых «Страстей по Матфею», большой пассион, который написал кенигсбергский композитор, капельмейстер герцога Иоганна Георга, Иоганн Себастиани. А через пятьдесят лет появился второй пассион – «Страсти по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха. В марте прошлого года пассион звучал у нас в большом зале, привезли из Тюрингии старинные музыкальные инструменты, то есть было полное подлинное исполнение, что произвело совершенно ошеломляющее впечатление. Вот такая история Валленродтской библиотеки.

Л.В. Поляков. Большое спасибо. Хорошее введение к нашей сегодняшней сессии. В самом дальнем углу я заметил деревянную дощечку, на которой написано «Работа – лучший способ наслаждаться жизнью. Иммануил Кант». Давайте же наслаждаться жизнью в том смысле, в котором завещал Кант. Приглашаю Бориса Вадимовича Межуева, чтобы он познакомил нас с новым замыслом, который уже начал осуществляться.



Посмертная маска И. Канта.
Художник – Андреас Йохан Фридрих Кнорре
(1763–1841),
профессор Кенигсбергской
художественной школы

Б.В. Межуев. Издание, которое вы держите в руках, это наше общее с вами начинание – информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения», который называется «Самопознание». Надеюсь, что в дальнейшем это издание будет пополняться статьями участников Чтений. Я представлю коллег, с которыми мы работали в данном издании и на сайте «Русская idea»: Василий Ванчугов, Любовь Ульянова, Кирилл Бенедиктов. Мы в течение нескольких недель подготовили и издали эти три номера, многие материалы были ранее опубликованы на сайте «Русская idea».

Первый номер был посвящен сакральной географии и, в частности, значению Крыма в истории России, второй – Ивану Ильину, третий – Константину Леонтьеву.

Что касается Крыма, то благодаря в первую очередь изысканиям Любови Ульяновой мы смогли узнать, как вообще обстоит дело с аналогичными исторически значимыми феноменами в других странах, есть ли какие-то аналогичные места памяти в других странах. Оказывается, существует целая наука о сакральных местах памяти. В первом номере частично опубликовано интервью с одним из представителей этой науки Питером Берком, полностью оно выйдет у нас на сайте. Выяснилось также, что вопрос о том, в какой степени Крым является сакральным местом, значимым для российского исторического и религиозного самосознания, обсуждался уже с начала XIX века, когда начались археологические раскопки в Крыму, в Херсонесе.

Мы намерены были зафиксировать современное состояние науки о Константине Леонтьеве, об Иване Ильине. Поэтому во втором и третьем выпусках мы предлагаем свежие публикации обоих мыслителей. В частности, еще не известную читателям лекцию Ильина о Максе Штирнере. К концу года выйдет 30-й том собрания сочинений Ильина, подготовленный Юрием Трофимовичем Лисицей, в котором будет опубликована эта лекция. В номере о Леонтьеве вы прочтете впервые полностью опубликованную переписку Константина Николаевича с Всеволодом Сергеевичем Соловьевым, братом Владимира Сергеевича Соловьева.

Эти материалы предоставлены нам Алексеем Павловичем Козыревым, статью которого вы тоже можете прочесть в том же номере. Также весьма любопытна переписка с совершенно неизвестным человеком – Николаем Умановым, в которой Леонтьев проявляет себя в качестве учителя жизни, человека, который утешает унывающего консерватора. Леонтьев пытается поддержать в нем оптимизм и вдохновить на творчество. Эти письма предоставила нам крупнейший современный исследователь творчества Константина Леонтьева – Ольга Леонидовна Фетисенко. Ее книга «Гептастилисты», которой мы посвятили целый раздел этого выпуска альманаха, побудила нас дать название этому выпуску – «Леонтьев как воспитатель».

Анализируя феномен Ивана Ильина, мы обнаружили два интересных момента. Во-первых, этот человек считается воплощением русской державности, русского консерватизма, чуть ли не изоляционизма. Между тем это был один из самых европейских русских мыслителей, не говоря уже о том, что он был наполовину немец, что, впрочем, не оказало никакого влияния на его политическую позицию во время двух мировых войн – как рассказывает нам Егор Холмогоров в этом номере. Наоборот, Ильин был безусловным русским патриотом во время Первой мировой и особенно Второй мировой войн. Все домыслы относительно его якобы сочувствия национал-социализму в период войны – это миф, который мы в этом номере развенчиваем. Вместе с тем, он был человек, который никогда не отделял Россию от Европы, и именно здесь, в Калининграде, память о нем имеет особый смысл. Он всегда считал Россию европейским государством.

Это, кстати говоря, проблема, которая и стала предметом нашего рассмотрения и анализа в этом номере: можно ли быть бескомпромиссным российским государственным и вместе с тем быть европейцем? Например, Николай Данилевский ответил на этот вопрос отрицательно – совместить эти качества невозможно: ты или европеец, или государственный. Ильин дал на этот вопрос альтернативный ответ: можно быть европейцем не только в культурном, но и в цивилизационно-политическом смысле и

вместе с тем быть человеком, который не готов поступиться ни пядью российской земли, как известно из публицистических статей Ильина.

Ильин – русский европеец и в философском отношении. Дело не только в том, что он хорошо знал немецкую философию – он ее глубоко понимал, понимал немецкий дух, немецкую мысль, таинственную связь свободы и силы, что является важнейшим моментом философии Модерна в целом и немецкой философии как наиболее глубокой рефлексии на Модерн. Об этом мало кто писал в России, где предпочитали свободу от силы отделять: если свобода, то она какая-то бессильная, если сила, то лишенная свободы. Но, как мы знаем из Гегеля и из Канта, эти вещи связаны, особенно у Гегеля и еще в большей степени – у Фихте. Это были те мыслители, о которых Ильин писал с наибольшей любовью и, на мой взгляд, в политическом отношении он писал о них более глубокие статьи, чем славянофилы, подвергавшие немецкий идеализм односторонней критике как откровенный рационализм. Но после книги Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и после его статьи «Философия Фихте как религия совести» говорить о философии Гегеля, Фихте, Канта как об одностороннем рационализме уже будет односторонне и навязчиво. Разумеется, Ильин вывел русскую мысль на гораздо более глубокое понимание немецкой классики, чем то, что было распространено до него. Тема свободы и силы и образ философа, который связал их, причем связал на европейском материале, – это и есть основная тема второго выпуска нашего альманаха. Мне кажется, нам удалось доказать особость Ильина в русской мысли, хотя для меня лично остается открытым вопрос, кто прав – Данилевский или Ильин – в той дихотомии, которую я указал.

Теперь о Леонтьеве. Как подать Леонтьева сегодня, как о нем рассказать так, чтобы это было оригинально, интересно? Нам пришла на помощь книга Ольги Фетисенко «Гептастилисты», которая рассказывает о Леонтьеве как родоначальнике школы мысли, то есть как о человеке, который создал живую и парадоксальным образом не прервавшуюся школу консерватизма, эстетики жизни.

Один из парадоксов – какие мыслители XIX века сохраняют свое актуальное значение? Например, такой неоднозначный вопрос: главным оппонентом Леонтьева, главным его антагонистом в русской культуре XIX века был Лев Николаевич Толстой, и очевидно, что Толстой превосходил Леонтьева в тысячу раз по влиянию на общество. Но сегодня я не знаю ни одного толстовца, ни одного человека, который разделял бы толстовские убеждения и считал Толстого учителем своей жизни.

М.А. Маслин. В Институте философии есть Центр ненасилия.

Б.В. Межуев. Хорошая тема для начала дискуссии. Я не знал про Центр ненасилия. Мне кажется, имеет место переоценка государственности. Впрочем, может быть, это и не так плохо, учитывая, чем кончаются призывы к ненасилию в русской истории. А вот Леонтьев – живое явление, Леонтьев людей волнует. Знаю огромное количество людей, которые пленены Леонтьевым, многие из них сидят в этом зале. Я не из их числа, но мне было любопытно это зафиксировать. Это живое культурное явление, у Леонтьева сложилась в рамках русского консервативного мышления школа, которая существует до сегодняшнего дня. Не думаю, что ее представители верят в возможность осуществления идеи гептастилизма, но очевидно, что они сверяют свою мысль, свою жизнь, свои взгляды, в том числе и религиозные, с идеями Константина Николаевича Леонтьева.

Скажу об одном из таких людей, принимавшем активное участие в подготовке наших номеров, в том числе номера о Леонтьеве. Это Григорий Борисович Кремнев, один из замечательных людей нашего времени, блестящий знаток русской мысли, исследователь Константина Леонтьева. Мы имеем честь работать вместе с ним в нашей группе, но его сложно назвать в Калининград или в другие города в силу замкнутости образа жизни. Тем не менее его участие в подготовке номера было бесценным.

Вопрос – почему Леонтьев сохранил свое значение? Передаю слово следующему выступающему. Думаю, что Алексей Павлович Козырев, который тоже является блестящим знатком

творчества Константина Леонтьева, может больше рассказать об этом, потому что в отличие от меня он прожил с Леонтьевым, изучая его наследие, значительную часть жизни.

А.П. Козырев. Действительно, я имел большое удовольствие работать над номером «Самопознания». Это, наверное, самая быстрая моя публикация в жизни, так как Борис Вадимович сказал о том, что эти номера делаются, дней десять назад. Слава Богу, что у всех у нас, кто когда-то занимался и продолжает заниматься историей русской философии, есть еще какие-то закрома родины, какие-то запасники, где что-то хранится, что-то написанное в стол. И вот я понял, что у меня есть несколько корпусов леонтьевской переписки, которые я в свое время списывал в архивах, – Всеволод Соловьев, Николай Страхов, Мария Владимировна Леонтьева. И вот один из этих корпусов я решил предоставить вниманию читателей, назвав публикацию словами из письма Константина Леонтьева – «Я возмечтал быть примером, учителем...». Переписка с Всеволодом – это репетиция более позднего леонтьевского учительства, когда он жил в Оптиной пустыни и к нему приезжали молодые люди: Иосиф Фудель, Иван Кристи, Николай Уманов... И Василий Васильевич Розанов, который переписывался с ним на протяжении девяти месяцев и так и не успел познакомиться лично, потому что Леонтьев умер. Леонтьев видел в этих молодых людях своих преемников, тех, кто может как-то воспринять и донести его мысль. Переписка с Всеволодом Соловьевым, старшим братом нашего великого русского философа Владимира Сергеевича Соловьева, началась в 1876 году, то есть Леонтьев был еще относительно молод, хотя уже называл себя стариком, в сорок три года, будучи старше Всеволода всего-то на восемнадцать лет. Но отношения учительства уже сложились, и они заметны – Леонтьев пытается молодого литератора, критика наставить, что называется, на путь истинный, причем не просто идеологически объяснив ему какие-то вещи, связанные с византизмом и славянством, а привив эстетику жизни, вкус к жизни.

Что такое консерватизм Леонтьева для меня? Он весь заключен в одном письме к Губастову,

где Леонтьев пишет ему: «Приедешь в Стамбул, найди себе турчанку или еще лучше гречанку и сходи в турецкие бани, и сходи к мечети султана Баязида посмотреть на бои турецких мальчи-ков». Вот вкус к жизни, любовь к жизни, эстетика жизни. Консерватизм – это не что-то такое засушенное, мертвое, похожее на Савонаролу. Консерватизм – это учение о том, что жизнь разнообразна и полна в своих различных формах. Поэтому, может быть, не случайно один из лучших русских поэтов эмиграции Георгий Иванов напишет такие строчки уже в середине XX века:

А мы – Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики –
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Чему можно научиться у Леонтьева? Можно научиться триединому циклу развития, можно научиться стойкости в отстаивании своих политических, дипломатических и прочих убеждений, а можно научиться и большему – отношению к жизни. Комментируя его переписку, я очень увлекся, потому что спотыкался о такие мелочи, которые для меня самого открывали глубинные вещи. Приведу только один пример. Читаю у Леонтьева: «Мишле писал: “Россия сгнила, еще не успев созреть”». Где Мишле такое писал? И я начал искать. Оказывается, писал не Мишле, а маркиз де Кюстин. И оказывается, маркиз де Кюстин ссылался на Дидро, то есть Дидро приехал к Екатерине, прожил шесть месяцев на казенных харчах в Зимнем дворце и в благодарность Екатерине написал: «Россия сгнила, еще не успев созреть». Но оказывается, что Дидро этого тоже не писал. То есть все ссылались на Дидро, но Дидро сам сказал: «Я этого не писал, я этого не говорил». То есть фраза, которая циркулировала в литературе эпохи... Мадам де Сталь говорит: «Да нет, Россия не сгнила, просто вот русский народ очень впечатлительный и эмоциональный, а на самом деле все нормально».

Так классический слоган русофобии, который Константин Леонтьев употребляет в критическом аспекте, открывает целую картину из истории отношений России и Европы, которая

очень не однозначна, которая всегда наполнена какой-то тайной любовью, но и взаимной подозрительностью – то, о чем мы говорим в нашей сессии, посвященной ценностям и амбивалентностям восприятия ценностей в России и Европе.

Поэтому работа с Леонтьевым всегда питает, даже когда тебе кажется, что Леонтьев так прост, что его мысли можно изложить на одной странице. Как сказал Розанов в своих поздних статьях: «Что Леонтьев? Всё учение Леонтьева можно изложить на одной странице. Не о чем говорить». Но ты начинаешь погружаться в Леонтьева и через эти детали выходить на какие-то очень интересные перспективы, исследовательские перспективы и просто перспективы мысли и жизни.

В завершение хочу поприветствовать инициативу Фонда ИСЭПИ издавать этот журнал. Мне кажется, он должен быть более тиражным и, может быть, даже продаваемым в каких-то книжных магазинах. Потому что номер о Леонтьеве – просто фантастический, там собраны изумительные люди: Ольга Фетисенко, Николай Котрелев, Юрий Пуцаев. Мало того, что это очень хорошие исследователи, это всё мои учителя и друзья. Поэтому так приятно взять в руки этот выпуск журнала, где есть и Василий Ванчугов, который в каждом бюллетене «Самопознания» написал статью, и все его статьи очень качественные. Удивляюсь, как ему удается писать на таком уровне. Этот журнал назван именем книги Бердяева, которой мы все зачитывались в студенчестве. Леонид Владимирович – первый, кто издавал Бердяева в серии «Из истории отечественной философской мысли» (по постановлению политбюро ЦК КПСС в 1989 году), составитель первого тома Бердяева, который вышел тиражом, по-моему, сто тысяч экземпляров в издательстве «Правда». Мы все зачитывались «Самопознанием». И вот теперь «Самопознание» стало названием журнала. Думаю, Бердяев не обидится, мы общее дело делаем.

Л.В. Поляков. Согласен с Алексеем Павловичем: «Самопознание» – качественный научный журнал, который, надеюсь, займет достойное место в ряду остальных изданий.

Б.В. Межуев. Есть какая-то неслучайность в том, что мы презентуем альманах в Калининграде, – помимо всех тем, связанных с Кантом и с философией. Я не упомянул еще одного нашего постоянного сотрудника, уроженца и жителя этого города, Олега Шендерюка, который взял несколько интервью, опубликованных на сайте «Русская idea», и одно из них вошло в бюллетень «Самопознание».

К.С. Бенедиктов. Хочу сказать большое спасибо Фонду ИСЭПИ, потому что проект, который мы сегодня презентуем, был бы труднореализуем, если бы не было сайта «Русская idea» – именно там мы начали собирать коллектив авторов. И всех присутствующих в этом зале, кто еще не там, я приглашаю присоединиться к этому коллективу. Именно поэтому, когда возникла возможность выпустить три номера «Самопознания», у нас уже имелся большой задел, у нас уже были авторы. Мне кажется очень перспективной модель, когда существует сайт, на котором постоянно появляются новые материалы и привлекаются авторы, и рядом существует печатный орган.

Л.В. Поляков. Но перспектива эта зависит от нас, от того, как мы будем дальше работать. И, действительно, нельзя не отметить оригинальность идеи.

Прежде чем передать слово Олегу Анатольевичу Матвейчеву... Здесь упоминалась формула Леонтьева «Гептастилизм». Я не знаю, как наши переводчики справились с переводом, поскольку это два греческих слова – «семь» и «столп» (кстати, недавно был опубликован соответствующий фрагмент из Леонтьева – в книге Фетисенко), что означает «семь столпов оригинальной русской культуры». Вчера мы неоднократно затрагивали тему самобытности, определения своей идентичности, тему чрезвычайно важную для консервативного мышления. Константин Николаевич Леонтьев – один из тех русских консервативных мыслителей, которые занимались самопознанием России.

Призываю аудиторию обращаться не только к этому замечательному бюллетеню, но и к другому изданию Фонда ИСЭПИ – альманаху «Тетради по консерватизму». Во втором номере за 2015 год мы привели в том числе те

отрывки из книги Фетисенко, где содержится замечательный текст Леонтьева с разъяснением этих «семи столпов», семи оснований русской культурной идентичности. И поскольку я тоже участвовал в номере «Самопознания», посвященном Леонтьеву, хочу поблагодарить Бориса Вадимовича за то, что он пригласил меня.

Хотел бы еще внести поправку, связанную с темой Леонтьева и Ильина, с противоположностью – либо ты русский, либо ты государственный.

Реплика. Европейец...

Л.В. Поляков. Да, либо европейец, либо государственный. Характерная оговорка. Вижу, как Егор Станиславович грозно указывает пальцем. Слава Богу, что не своей регулярно падающей палкой.

Эта антиномия преодолевается тем, как это делал Данилевский, учитель Леонтьева в идее культурно-исторических типов. «Я не европейец, – писал Данилевский и повторял Леонтьев, – не потому что я так или иначе ставлю вопрос о государственничестве, а потому что я твердо знаю, что Европа – это особый культурно-исторический тип, особая цивилизация». Все понимают, что Данилевский и Леонтьев – предшественники Шпенглера, Тойнби и, в значительной степени, Хантингтона. И поэтому вопрос о государственничестве смещается как бы на второй этаж этой философско-исторической рефлексии. Потому что сначала нужно либо согласиться с тем, что, как потом позже писал Солженицын, «человечество квантуется нациями» и что именно уникальные национальные культуры образуют первичную структуру человечества. Либо сказать вместе с Владимиром Сергеевичем Соловьевым, что никаких этих квантов нет, а есть универсальное человечество, и давайте строить будущее, исходя из этого.

О.А. Матвейчев. Обобщать сделанные на наших Чтениях доклады непросто – в том числе потому, что они и их обсуждение продолжались в кулуарах, в кулуарном общении. Поэтому, как говорил Гегель, «если что-то невозможно сделать, то не стоит даже пытаться».

Сосредоточусь на одной, очень важной, как мне кажется, теме, которая является нервом современного консерватизма и имеет отноше-

ние к нашему ближайшему будущему, рефлексиям, тем возможным войнам, столкновениям, которые были. Эту дискуссию Егор Холмогоров уже начал вчера в своем выступлении на третьей секции – о возможных гражданских войнах, которые могут быть на почве семейных ценностей, на почве гендерной проблематики. Почему это возможно?

Напомню, что с начала Нового времени, с появления декартовского субъекта рядом с этим последним все время было свое Иное, своего рода бессубъектность, которая пыталась атаковать субъект на всех горизонтах – на уровне Бога как высшего субъекта, на уровне монарха как персонализации государства, на уровне мужа и отца как основания нуклеарной традиционной семьи.

Традиционная просвещенческая метафизика антисубъектна, и прежде она была по Богу. Появился атеизм. Шли разрушительные процессы, но параллельно всё каким-то образом восстанавливалось. Затем удар наносился в политической сфере: рубили головы королям, происходили революции, гражданские войны. Но после каждой революции следовала реставрация. Что просвещенческая идеология поняла в XX веке? И этим мы обязаны постмодернизму как квинтэссенции этой идеологии просвещения. В отличие от Хабермаса, я не считаю их антипросветителями, они продолжают эту антисубъектную традицию. Они поняли, что всё заключается в микропрактиках, что смерть «Кошея», субъектного «Кошея», находится на кончике маленькой иглы, то есть в семье. И если мы ломаем традиционную семью, тогда сломаются и монархии, и любые диктаторские режимы, и государство как таковое, а Бог затем сам по себе исчезнет. И наоборот, если мы оставим семью в покое, то будут воспроизводиться и государства, и всевозможные формы религиозного сознания.

Поэтому задачу разрушения семьи решали через многократное нанесение различных ударов: это и всевозможные феминистские движения, это и движения за аборт, и ювенальная юстиция. Дело уже доходит до уличных столкновений, когда во Франции эта тема становится одним из важнейших дискуссионных вопросов

внутренней политики. И как раньше не обходилось без революций с отрубанием голов, так и сейчас не обходится без революций. Мы видим, как молодежь из Англии, Франции едет воевать за ИГИЛ, мечтает о некоем шариатском обществе, находящемся в конфликте с разрушенной западной культурой. Это есть конфликт современности.

Л.В. Поляков. Хотел бы сделать ряд замечаний по поводу услышанного и еще добавить к тому, что уже сказано о Константине Леонтьеве. Полностью согласен с Алексеем Павловичем, охарактеризовавшим консерватизм Леонтьева как эстетический. Константин Николаевич не только мыслитель, не только политический деятель, но и блестящий русский дипломат, что в сегодняшнем политическом контексте крайне востребовано. Не исключаю, что наш министр иностранных дел является таким стихийным подражателем стилю Леонтьева, потому что периодически рубит правду матку так, как ни один другой дипломат не решился бы. Но...

М.А. Маслин. [Не слышно.]

Л.В. Поляков. Михаил Александрович напоминает, что Лавров открывал ту самую мемориальную доску в Стамбуле, где Константин Леонтьев служил консулом. Не только Леонтьев, но и один из классиков современного консерватизма Майкл Оукшот полагал, что умение наслаждаться жизнью здесь и сейчас – это консервативная идея. Его определение консерватизма именно как disposition – не политической идеологии, как у Хантингтона, – а как предрасположенности, как особой конструкции внутри нас, которая позволяет видеть реальность оптимистически, в аспекте удовольствия от того, что нам удается жить. Вот такая переключка русского и европейского консерватизма.

Теперь по поводу сильной гипотезы Олега Матвейчева, согласно которой раз в прошлом были религиозные войны, то и в будущем нас ждут войны. Ждать ли нам войн на почве решения проблем гендера и семьи? Есть такой термин – *culture wars*, культурные войны. То, что представил нам Олег Анатольевич, уже идет и иногда обретает насильственные формы. Эта апокалиптическая тема достойна обсуждения.

Например, один из лозунгов радикального феминизма, «чайлдфри», намечает человечеству вполне однозначную перспективу.

С.Ф. Черняховский. Хотел бы вернуться к одному из постоянных вопросов нашей общественной мысли – к спору о том, Россия – Европа или не Европа, а что-то другое. Почему-то по поводу, например, Польши подобный вопрос не встает: Польша – Европа или евро-балтийская страна? На мой взгляд, в такого рода спорах есть некая порочность. Ибо сама постановка вопроса предполагает понимание Европы как чего-то единого. На этих Бердяевских чтениях уже говорилось, что Португалия отличается от Швеции или Шотландии куда больше, чем Франция от России. Но дело даже не в этом. Конечно, в России есть специфика государственного устройства, хотя не так уж оно и отличается от европейских практик. Большие территории предполагают большую концентрацию ресурсов власти. Но я хотел бы обратить внимание на другое: это – разные Европы. Есть Европа, условно говоря, идущая от Рима, есть Европа, идущая от Афин, не от Византии. Византия, на мой взгляд, это нечто промежуточное и синтетическое. То есть корень у нас общий – Афины, но в одном случае «щупальце» пошло через Рим, а в другом случае – через Крым. Потому Россия и была всегда некоей альтернативной Европой, оставаясь Европой. Ломоносов когда-то писал о боспорских истоках русской государственности; об этом же говорил академик Рыбаков. Русская цивилизация уходит корнями в цивилизацию афинскую.

В этом отношении Россия должна думать не о приобщении к европейским ценностям, а об их сохранении, в противовес их разрушению в той, другой Европе. Россия может их сохранить, сохранить себя, только поддерживая классическую культуру во всем мире, создав своего рода культинтерн, поддерживая все течения, все страны, всех деятелей, которые ориентированы на сохранение классики.

В заключение три тезиса. Первый: каждый народ имеет право жить в соответствии с теми ценностями, которые для него исторически оказались значимыми. Второй: каждый народ и каждое государство имеют право противо-

действовать распространению культурных образцов, которые разрушают привычные и значимые для них ценности. Третий: каждое государство несет перед народом обязанность пресекать попытки использования культурной жизни для разрушения политического суверенитета страны. В этом отношении культурный суверенитет России подвергается двум группам угроз: объективным, связанным с постмодерном, с обществом потребления, социальной энтропией; и субъективным – направленной информационной агрессией, от которой Россия имеет право защищаться любыми средствами.

Е.С. Холмогоров. Хотел бы выразить протест по поводу того, что у нас второй день подряд не вполне корректно вспоминается Освальд Шпенглер. Мы два дня подряд говорим о закате Европы, забывая о том, что в оригинале эта книга называется – если переводить дословно и при этом литературно – «Закат вечерних земель», точнее «Упадок вечерних земель». У нас везде в публицистике звучит эта формулировка: дескать, сто лет назад Шпенглер предсказал закат Европы. Но Европа никуда не закатилась, в то время как Шпенглер говорил об упадке высокой европейской культуры, об упадке творческого духа, который выражается в специфических для Европы культурных формах, в музыке Баха, в готической архитектуре. Он говорит об упадке творческого начала, аналогичного тому, который в пятом – начале четвертого веков до нашей эры создал Грецию, который породил затем всемирную империю Александра Македонского, эллинизм и впоследствии – Римскую империю.

Напомню другую мысль Шпенглера. В его текстах, особенно во втором томе, существенное место занимает тема подъема России, в которой он предвидит – будем надеяться, справедливо – новую поднимающуюся культуру. И здесь хотел бы адресовать персонально вам, Леонид Владимирович: меня буквально трясет от фразы «Шпенглер, Тойнби, Хантингтон», потому что Шпенглер и Тойнби абсолютно противоположные мыслители. Тойнби создал концепцию фактически антишпенглеровскую, концепцию синхронно существующих и лишь частично различающихся цивилизаций. Наверное, все

любители компьютерных игр помнят, как можно поиграть за любую цивилизацию, которые будут синхронно развиваться. У Шпенглера ничего подобного нет, у него в один момент времени одна, максимум две культуры находятся на подъеме, в то время как все остальные – на спаде, в состоянии творческого вырождения. Для Шпенглера подъем западной культуры закончен, она остается только в имперской цивилизационной форме, в то время как русская культура только выходит на начальные рубежи своей метафизической судьбы. Мне как русскому консерватору хочется верить, что в будущем у России больше, чем в прошлом. Но возникает вопрос: как эта культура на подъеме будет взаимодействовать с той подавляющей цивилизацией, не уничтожит ли западная цивилизация поднимающуюся русскую культуру?

Быть может, наступит время, и в этом замечательном городе мы проведем Бердяевские чтения, посвященные Шпенглеру. Этот собор на территории России – идеальное место, чтобы поговорить о Шпенглере.

Л.В. Поляков. В ответ на обвинение, энергично сформулированное Егором Станиславовичем. Что я имел в виду, когда упомянул четыре фамилии подряд – Данилевский, Шпенглер, Тойнби и Хантингтон. От последнего тоже, наверное, должно трясти, хотя это тот человек, который, на мой взгляд, методологически наиболее четко и ясно в 1956 году в своей статье “Conservatism as Political Ideology” объяснил, что такое по крайней мере американский консерватизм. Я имел в виду, что за Данилевским копирайт, все остальные так или иначе использовали его идею. Это не значит, что они все говорили одно и то же или, наоборот, имели в виду принципиально разное, – просто они взяли идею и по-разному ее аранжировали. Но все исходило из того, что именно цивилизации образуют первичные субъекты исторического развития.

Отсюда и конкуренция на имперском уровне. Мне думается, что наша вековая мечта о Третьем Риме парадоксальным образом реализуется сегодня в Соединенных Штатах Америки. Очевидна их претензия на то, чтобы быть третьим и последним Римом, в буквальном смысле – Третий Рим стоит, а Четвертому не

бывать. Россия же нынешняя стремится, как птица-феникс, возродиться из пепла, из обломков, обрести, казалось бы, безнадежно утраченное прошлое и исполнить завет Шпенглера о том, что третье тысячелетие будет за Россией.

Л.Г. Ионин. Говоря о кризисе консерватизма, и мы, и наши разнообразные предшественники показывали, что у консерватизма нет определенного будущего, более того, у консерватизма не очень хорошее будущее по сравнению с либерализмом и социализмом. Что я имею в виду? Вчера я говорил о вещах, связанных с политической организацией нашего времени, в частности, речь шла о таком феномене, как «один человек – один голос». И с Леонидом Владимировичем мы потом обсуждали это и пришли к выводу, что это не наша, не консервативная игра и в ней консерватизм обречен. Вопрос в том, что можно сделать. Кажется, что введение цензов, движение в направлении какого-то сословного усложнения общества, в противоположность тотальному абстрагированию от всего, – это единственный путь. Но такой путь очень труден. Попробуйте сейчас всерьез говорить о введении правовой специфики для разных слоев – не выйдет ничего, это будет такой вброс социального адреналина, что вас просто раздавят.

Очень много говорилось о семье, о том, как важна семья, что там, где есть семья, там будет и царь, и Бог, и всё, что нужно человеку. Но ведь в семье-то мы тоже играем чужую игру – не говоря уже о феминизме или однополых браках. Есть два фактора – либеральный и социалистический.

Первый фактор. Для женщины обязательна самореализация, самореализация не в семье – в работе. Вот есть рынок труда, есть организация экономики, и труд в семье не является частью рынка труда. Труд в семье, как бы он ни был тяжел, социально недооценен. Женщина, работающая в семье, – неполноценный член общества. Уверен, что минимум 80% здесь присутствующих решает свои домашние хозяйственные проблемы, приглашая приходящую женщину, которая убирает дом, заботится о детях. Современная экономика побуждает делать так, что женщина должна заботиться о чужих

детях, получая за это деньги, а о ее детях будет заботиться другая женщина, которая тоже будет получать за это деньги, как воспитательница в детском саду, к примеру.

Второй фактор. Происходит огосударствление детей. В возрасте одного года ребенок уходит из семьи. Для меня это было неожиданностью, боюсь, что и для вас: не знаю, как во всей Германии, но в Берлине киндergarten обязателен, это не вопрос выбора. Это и есть огосударствление детей. Вы также, наверное, знаете, что сексуальное воспитание в Германии тоже обязательно с четырех лет. А ювенальная юстиция – это уже крайность. И радикальный феминизм – тоже крайность. Нынешняя семья – это не та семья, о которой можно говорить, рассуждая об изначальных семейных ценностях. Это уже чужая для консерваторов игра. Мы будем отстаивать современную русскую семью, но это та семья, которая сформирована либерализмом и социализмом.

Борис Игоревич Макаренко хорошо показал, что консерватизм на Западе имеет хотя бы частичный успех только в том случае, если он придерживается правил игры, организованных по либеральным и социалистическим принципам. И поэтому у консерватизма не очень хорошие перспективы: либо он перестает быть собой и тогда имеет шанс на политический успех, либо он проигрывает. А выход из этого – в тех самых культурных войнах, в которых очень трудно победить. Но они, очевидно, предстоят.

Л.В. Поляков. Леонид Григорьевич, большое спасибо. Михаил Витальевич, прошу перехватить у меня эстафетную палочку. У нас имеются заявки от наших коллег из Люксембурга, из Соединенных Штатов, из Испании, из Франции. И еще Сергей Владиславович Чугров хотел вступить в дискуссию.

М.В. Ремизов. Спасибо, Леонид Владимирович. По итогам второй вчерашней секции остались вопросы, которые мы не обсудили, но которые принципиально важны. Один из них Леонид Григорьевич сейчас заострил. Хотел бы сфокусировать остальные.

Первое: насколько вообще консерватизм уместно рассматривать в качестве партийно-полити-

ческой платформы. Мы говорили о субъектах консерватизма. Кто субъекты консерватизма в социальном смысле? У меня есть большие сомнения в том, что адекватными субъектами консервативного действия и консервативной мысли являются именно политические партии. Консерватизм как категория лежит глубже партийных идеологий. Как мне кажется, по своей сути это скорее мировоззрение, причем мировоззрение, которое призвано не столько стать флагом для каких-то партий, сколько интегрировать группы элит. То есть это не столько способ организовать партийно-политическую жизнь, вывесив консервативный флаг в этой партийно-политической жизни – потому что нужно будет слишком много времени посвящать обоснованию, что такое консерватизм, что мы будем консервировать, бороться со стереотипами, которые существуют в отношении понятия «консерватизм». Консерватизм – это скорее то, что касается внутреннего мировоззрения элит относительно базовых смыслов политической деятельности и общественной жизни. Такие школы мысли всегда идут поверх партийно-политических границ, в том числе в западных демократиях. Если у нас будет развиваться партийно-политическая система, они тоже будут идти поверх ее границ или скорее под ними.

Второе: что является предметом сохранения в качестве тех традиционных ценностей, о которых мы часто говорим. Насколько осмысленно словосочетание «традиционные ценности» в контексте общества позднего Модерна? Традиционной семьи нет уже давно, если понимать под традиционной семьей некую организованную жизнь рода, то есть большую семью, где существуют старшие, младшие, их взаимосвязи. То, что есть в городах на протяжении последних ста, полутора лет, это буржуазная нуклеарная семья, и она уже в свою очередь подвергается эрозии. Я не вижу в этом повода (как сказал бы Ницше) к резиньяции, к тому, чтобы отказаться от действия, демобилизоваться. Потому что в самом обществе Модерна я вижу, как говорил вчера, плод продуктивного синтеза, хотя и конфликтного, но в итоге во многом удавшегося синтеза идей Просвещения и консервативного реванша против этих идей.

И в этом обществе Модерна нам тоже есть что защищать. И нуклеарная семья, прошу прощения за такое неблагозвучное слово, тоже достойна того, чтобы ее защищать. Согласен с Олегом Матвейчевым: она тоже воспроизводит ту модель человеческой личности, которой мы дорожим в нашей цивилизации и против которой выступают идеологи Франкфуртской школы (Маркузе, Адорно) и контркультура 1968 года.

Третий вопрос касается уже не столько теории идеологии, а геокультурных, геоэкономических, геополитических взаимоотношений, как, например, водораздел между Россией и европейскими столицами, который возник после Крыма и является необратимым фактором на ближайшую перспективу. То есть как этот водораздел скажется на перспективах консервативной идеологии по обе стороны от него. Думаю, что, несмотря на закономерность, необходимость случившегося, появление этого водораздела – плохая новость для консерваторов, потому что для европейских консерваторов важна возможность утверждения европейской идентичности России. Почему? Потому что это определенным образом позиционирует саму европейскую идентичность, это позиционирует ее как идентичность наследования, а не идентичность утопического проектного выбора. Если Россия – это Европа, то Европа – это христианское, античное и тому подобное наследие, а не плоский европейский выбор, который делается на разного рода майданах. Проще говоря, если Россия – это Европа, то Европа – это не Брюссель.

Для нас же, для консерваторов в России, всегда болезненным, ощутимым является риск азиатизации нашей страны, ее поглощения собственным Востоком. Россия создалась как движение на восток, создалась культурой, имеющей европейский корень, европейское начало. Это было движение, в котором существует риск себя потерять. Если мы в этом движении потеряем свою ясную, северную европейскую идентичность, то мы вместе с ней потеряем и самих себя. Вот те вопросы, которые хотелось бы заострить, некоторые из них уже начали обсуждаться.

Арман Клесс. Хотел бы указать на некоторые предметные области, которые можно было рассмотреть на последующих встречах. Здесь многократно звучало имя Освальда Шпенглера, но вот Ортега-и-Гассет, кажется, не упоминался ни разу. Конечно, подход Шпенглера отличается от видения Тойнби или Хантингтона. Но столкновение цивилизаций может приводить не только к негативным последствиям – оно может воздействовать благоприятно. Для Шпенглера цивилизация олицетворяла вырождение культуры, в первую очередь из-за возрастающей роли денег.

Другая тема – феминизм, исследованием которого я занимаюсь десятки лет. Он восходит к эгалитаризму, эгалитарному обществу и ведет к возникновению нового тоталитарного общества. (Мною написаны тысячи страниц на эту тему, но они – на немецком языке и, возможно, когда-нибудь дождутся своего переводчика.) В книге «Демократия в Америке» Токвиль предсказывает состояние современного западного общества, говорит о его инфантилизации, даже оглуплении. Новый обскурантизм, отрицание законов природы, игнорирование биологической составляющей. Парадоксально, что сегодня мы наблюдаем фактически то же, что было сто лет назад во времена Лысенко.

Взять, к примеру, гомосексуализм. Странники гомосексуализма, сторонники идей эгалитаризма, говорят, это врожденное, с этим нельзя ничего поделать. Но те же люди говорят, что такого понятия, как «сексуальная идентичность», не существует, ее можно сформировать, создать, изменить. Они говорят, что детям нужны мать и отец, но потом сразу же говорят, что ребенок может расти и с однополыми родителями, и в неполной семье. Один парадокс за другим, их можно перечислять часами. У меня сейчас большое искушение – создать институт по биоэтике, учитывая, что мой нынешний институт почти прекратил существование. Биоэтика – это проблематика будущего. Люди хотят иметь идеальных детей, детей a-la carte, без недостатков. Если бы можно было, люди захотели бы выбрать уровень IQ, а также цвет волос и глаз. Это выходит за границы того,

о чем писали Хаксли, Оуэн или, например, Замятин в своей книге «Мы».

Размышляя о будущем консерватизма, можно обратиться к вопросу о прогрессе. Этот вопрос не нов. Существует ли прогресс, или происходит стагнация человечества? История – это игра с нулевой суммой?

Еще один вопрос – о природе человека. Можно ли с ней что-либо сделать, можно ли выйти за ее пределы, исправить, улучшить. Мы совсем не упоминали Руссо и его последователей. Было бы интересно остановиться на всем этом в контексте Бердяева. Что есть человеческая природа? Это вопросы добра и зла, агрессии. Обратитесь к работам основателя социобиологии Эдварда Уилсона. Если вы занимаетесь консерватизмом, то стоит сделать шаг назад.

Стоило бы поразмышлять о роли культуры в становлении природы человека. Взять, к примеру, США – страну без культуры, даже целую цивилизацию. Если и можно сказать, что там есть культура, то «низкая», а никак не «высокая». У них есть великие писатели, но культуры нет. Каковы перспективы у страны без культурных основ? Является ли это упадком? В переводе название книги Шпенглера звучит как *desau*, то есть «разложение». На самом деле речь идет об упадке, конце, *der Untergang*.

Хотел бы еще затронуть в двух словах вопрос о ценностях. Какие ценности основные? Нужно ли их ранжировать? Вспомним о понятии «сострадание». Для Шопенгауэра это понятие было одним из основных, а Ницше полностью отрицал его значимость. Для меня уважение к жизни, любой форме жизни – ключевое понятие, базовое для всей деятельности человека, во всех его устремлениях. В этом контексте встают вопросы абортов, эвтаназии, нашего отношения к животным. Нам следует задаться вопросом: пока мы мучаем, убиваем, едим животных, можем ли мы называться цивилизованными людьми? Думаю, нет. Всё это весьма болезненные вопросы.

Что сделать, чтобы прийти к более благопристойному обществу? На что будет опираться такое общество? Я – анархист, конечно, не такой, как Бакунин или Кропоткин, придержива-

юсь левых взглядов. Вы – консерваторы. Тем не менее нужно задаваться вопросами о необходимых изменениях¹.

М.В. Ремизов. Еще одно выступление, в котором подчеркнута значимость темы биоэтики, и хочется еще сильнее заострить вопрос. Леонид Григорьевич уже говорил об этом. И я тоже поддержал необходимость обсуждения темы – о какой семье мы говорим как о предмете консервации. Но ведь сегодня есть часть европейских, условно, консерваторов, которые видят в качестве предмета охранения, сохранения уже в современной Европе результаты гендерной революции. Они говорят, что мы должны выступать охранителями перед лицом, скажем так, исламистской угрозы или угрозы новых меньшинств, которые исповедуют коммунитаристские принципы и которые живут по другим принципам семейного жизнеустройства. Они говорят, что перед лицом этой угрозы мы должны сохранять те результаты гендерной революции, которые имели место в наиболее продвинутых, прогрессивных европейских столицах. И это тоже одна из опций современного европейского консерватизма. Вопрос: сможет ли она быть эффективной в столкновении с коммунитаризмом этнических меньшинств и в конечном счете с исламизмом? То есть вопрос: «Я Шарли или я не Шарли?» – это серьезный вопрос для консерваторов. И те европейские консерваторы, с которыми я общался, отвечают на этот вопрос по-разному.

Пол Гренье. Прежде всего хочу сказать огромное спасибо организаторам за то, что меня пригласили. Я получил от этой встречи гораздо больше, чем ожидал. Хотя вообще ничего не ожидал, потому что никого из вас не знал; никто из моих знакомых коллег в США – страноведов, профессоров политологии – ничего не знали про ИСЭПИ, но тема очень интересна для меня – Бердяевские чтения. На такую конференцию могли бы приехать гораздо более интересные люди. Они приехали бы, если знали, кто и что здесь будет. Думаю, было бы не сложно собрать очень интересных гостей. Это главное, о чем я хочу говорить, – каким должен быть следующий шаг.

¹ Перевод с английского Н.В. Панич.

Хотел бы поделиться одним интересным наблюдением. За последний год произошло нечто удивительное в американском интеллектуальном мире. У нас совсем не много интересных журналов – “Atlantic Monthly”, “Harper’s” или даже “New York Times Magazine”. Они раньше могли что-то написать очень сложное, что-то серьезное. Так вот, они практически исчезли. Сейчас очень сильно понизился интеллектуальный уровень дискуссий в Америке. Под влиянием Интернета многие журналы стали почти как комиксы.

Тем не менее есть такие журналы, как “First Things” («Первоначальные принципы» – не знаю, как это лучше перевести), где, бывает, весьма серьезные люди что-то печатают. Раньше я не очень любил этот журнал. Его основатели Джон Нойхаус и Майкл Новак с моей точки зрения относились со слишком большим оптимизмом к возможности сочетания христианства с американским либеральным капитализмом. Но вот что интересно, именно “First Things” – думаю, именно из-за гендерных вопросов, из-за глобального обсуждения темы гомосексуальных браков – именно эти люди пришли в ужас и сказали: «Ничего себе! Христианства здесь больше нет. Мы всегда пропагандируем Америку как христианскую страну. Никакого христианства здесь скоро не будет. Сейчас мы стали меньшинством в опасности, чуть ли не криминальным – потому что мы не признаем гомосексуальный брак». Это удивительно для меня. Засомневались именно те люди, которые всегда пропагандировали, что Америка – это образцовая *христианская* капиталистическая страна.

Но, пожалуй, самые интересные люди для вас – это люди из журнала “Communio” при Католическом университете, такие мыслители, как Дэвид Шиндлер-старший и Дэвид Шиндлер-младший, как Майкл Хэнби, как Адриан Уалкер. И Аллан Карлсен говорит вещи, очень похожие на то, что я услышал сегодня утром.

Еще есть “The American Conservative”, там тоже интересные люди. У меня есть небольшая организация, для которой я пишу, – “Solidarity Hall”. Там тоже есть те, кто был бы в восторге от встречи с такими людьми, как вы. Джон

Мэдайл (John Medaille), например, автор потрясающей книги об экономике.

Обязательно надо продолжить и расширить этот разговор. В Америке это в основном католические интеллектуалы, которые могут на нужном уровне на эти темы говорить.

Еще важный момент. Не обязательно иметь дело только с консерваторами. Нужны люди, которые понимают, как и вы все, и как Соловьев это понимал, что настоящий разум – это сочетание и Греции, и христианства, то есть это и вера, и разум. Богословие и философия – это единое целое. А с людьми, которые не признают, что это единое целое, контакт очень труден.

М.В. Ремизов. Спасибо, господин Гренье. Надеюсь, что вы сможете выступить для Бердяевских чтений своего рода гидом, шерпой применительно к американской интеллектуальной среде. Доктор Маффетоне, пожалуйста.

Себастиано Маффетоне. Вновь хотел бы поблагодарить организаторов за предоставленную возможность приехать на эту конференцию.

На меня, как и на предыдущего докладчика, произвело впечатление данное обсуждение. Для начала я хотел бы остановиться на двух недавно упомянутых философах – О. Шпенглере и М. Оукшоте. Кстати, Оукшот был моим преподавателем, я лично знал его. Полагаю, что в большей или меньшей степени понимаю, что он имел в виду.

Не думаю, что Шпенглер особо важен для консерваторов. Чтобы пояснить, что имею в виду, задам вопрос. Вы знаете, кто сейчас активно обращается к Шпенглеру? «Аль-Каида». Идеологические постулаты «Аль-Каиды» полны отсылок к идеям Шпенглера и Хайдеггера. Эти философы – не консерваторы, они придерживаются крайне правых взглядов. И их подход отличен от подхода консерваторов. В свою очередь, Оукшот является консерватором в полном смысле этого слова.

Для консерваторов, как полагают в Италии либералы, важно отходить от позиций, подобных фашистским, в сторону идей, выдвинутых Оукшотом. Какой же линии он придерживался?

Он созвучен Бёрку, Юнгу. В Европе примерно той же линии придерживаются Ортега, упомянутый моим коллегой, отчасти французский философ Бергсон и итальянец Бенедетто Кроче. Этот распространенный подход подходит близко к немецкой исторической линии. И есть еще один важный предшественник Оукшота – Аристотель. Если прочесть его книгу «Полития», где он вступает в полемику с Платоном, то очевидно, что его аргументация построена фактически на консервативных принципах.

Мое утверждение состоит в следующем. Стоит различать понятия «в принципе» и «на практике». То, что вы в принципе поддерживаете, может быть трудно реализуемым на практике. В этом – глубинный смысл аргументации консерваторов. Для Оукшота в этом заключался основной аргумент консерваторов. Перед нами стоит множество сложных проблем, и многие либералы считают, что их можно разрешить на практике столь же легко, как и в теории. Обычно консерваторы выступают против более сложных теорий, потому что есть локальные проблемы. В этом для меня и заключается суть консерватизма. И это приводит к возникновению важного вопроса, требующего серьезного осмысления. Какую традицию стоит считать нормальной, то есть достойной сохранения и следования? Потому что, безусловно, мы должны проникаться духом традиций, но не все традиции одинаково хороши. Это представляет огромную проблему.

Давайте поразмышляем. Итальянец-южанин внешне намного больше похож на араба, чем на финна. Но давайте рассмотрим, каким образом финны и жители Саудовской Аравии обращаются с женщинами. Полагаю, что традиции финнов лучше традиций жителей Саудовской Аравии.

Поэтому подлинной проблемой для консерваторов, на мой взгляд, является проблема сочетания двух компонентов. Во-первых, уважения к традициям, что, безусловно, важно. Это аксиома для консерваторов. Во-вторых, понимания, что не все традиции одинаковы. Равноправие женщин важнее порабощения женщин. Обе традиции суть почвенные, обе мы должны уважать – и арабскую, и финскую. Но я полагаю,

что финская лучше. В этом и заключается большая проблема.

Другая связанная с нею проблема заключается в следующем: Аристотель, когда писал «Политию», думал о политике, Афинской политике, но наследие Аристотеля не стоит мерить современными событиями в Греции. Наследие Аристотеля – это всемирная философия. Наследие Гоббса... Наследие Канта... Мы живем в кантовском мире – наследие Канта принадлежит не только Калининграду, оно принадлежит миру.

Соответственно, утверждение, что российское [философское] наследие принадлежит только России, скорее всего ошибочно, потому что оно равносильно предположению, что это наследие применимо только в России. Учитывая, какие высокие стандарты были заложены, вы могли бы быть более амбициозными. Конечно, начинать можно с России, но нельзя на ней останавливаться. Это только начало пути, движение по которому благотворно повлияет и на всех остальных, не только на русских¹.

М.В. Ремизов. Спасибо, доктор Маффетоне. Пользуясь возможностью проявить предвзятость, хочу защитить Шпенглера. Мы сильно обедним консервативную мысль, если оставим только Оукшотта, и все, что правее до Шпенглера, выбросим. Да, Шпенглер и фашизм – такая тема существует. Можно поставить вопрос, насколько ответствен изобретатель ядерной бомбы за ее применение. Но в данном случае вопрос даже в другом: насколько ответствен тот, кто предсказал изобретение ядерного оружия, за его применение. Потому что связь Шпенглера и фашизма не в том, что Шпенглер был фашистом, нет, а в том, что он, прочувствовав дух эпохи, сказал, что грядет эпоха железа и крови, грядет эпоха тотальных мобилизаций. И он это предсказание вывел из довольно консервативной по духу философской методологии, из социально-философского органицизма, то есть органицистского представления об обществе, которое он благодаря своему выдающемуся таланту – скорее художественному, чем даже философскому – наложил на морфологию мировых культур.

¹ Перевод с английского Н.В. Панич.

Сергей Владиславович, да? Пожалуйста. Главный редактор «Полиса». Затем я передам слово Борису Вадимовичу Межуеву для модерации. У нас остается буквально полчаса, чтобы он смог расставить свои акценты.

С.В. Чугров. Я очень благодарен и руководству ИСЭПИ, и ректору Балтийского федерального университета Андрею Павловичу Клемешеву за счастье быть здесь, в этом удивительном месте. Я вел себя тихо и всеми силами старался не вступать в дискуссию. Моя миссия здесь совершенно другая: проанализировать всё сказанное и максимально адекватно отразить это в лучшем журнале всех времен и народов, в журнале «Полис. Политические исследования». Но сейчас не могу молчать.

Хотел бы возразить глубоко уважаемому мною Сергею Феликсовичу Черняховскому, изменить акцент. Напомню, было сказано, что Крым – это наша культурно-цивилизационная ценность. Согласен на девяносто девять процентов, хотя там было почти четыре века османского господства. Но мы же свою историю ценим больше, чем османскую. Еще процитирую: нужно его защищать всеми возможными средствами. Потом было сказано, что наряду с Крымом есть еще два таких центра – это Новгород (на сто процентов согласен) и Киев, который тоже наш. У нас тут не политический клуб, но и нам надо быть предельно аккуратными в расставлении таких акцентов. Сказать, что Киев – наш, – это ужасно, это неправильно. Киев – это наше общее. Нам надо очень аккуратно формулировать, когда речь идет о наших украинских братьях. Надо тысячи раз повторять, что Киев – это наше общее, наше культурно-цивилизационное общее, и тогда через десять, двадцать, тридцать лет уйдет то состояние враждебности по отношению к российскому народу, которое сейчас возникло в Киеве.

Что же касается цепочки Данилевский – Тойнби – Шпенглер – Хантингтон, мне кажется, это разные, яркие, противоположные грани одной и той же проблемы, и цепочка эта очень логична. Я не знал первых троих, но мне повезло почти два семестра работать ассистентом Сэма Хантингтона. Хочу сказать, что у него были внутренние противоречия,

он несколько раз менял свою точку зрения в 1992-м, 1993-м, и 1994 годах, когда я был рядом с ним. Более того, мне его жена Барбара как-то сказала, что до того, как позавтракать, он каждый день писал пять страниц, и писал вещи совершенно разные. Внутри любого ученого бывают какие-то противоречия. Мне хотелось бы, чтобы мы в тоне дискуссионной атмосферы высказывали абсолютно разные точки зрения, спорили, и спорили дружелюбно, креативно. И, кажется, это удалось. Поэтому еще раз спасибо. Было безумно интересно и было по-разному.

М.В. Ремизов. Передавая бразды правления Борису, хочу уже со своей стороны поблагодарить организаторов. Мне кажется, опыт удался – опыт не просто диалога о европейской идентичности России, о российско-европейских отношениях, но опыт диалога об этом в контексте консервативной традиции мысли. Убежден, что именно российско-европейский диалог имеет перспективу вот на таких треках философских школ, школ мысли, там, где разделительные линии очень условны. О чем сегодня говорил Борис применительно к Ильину, и Андрей Рачинский упомянул, когда мы сидели рядом, что, вообще говоря, и во Франции рецепция немецкой философии в XX веке прошла через русского Александра Кожева. И именно на треках различных школ философской, социально-политической мысли мы сохраняем почву для диалогов, в ближайшие годы в гораздо большей степени, чем в том, что касается геополитики, геоэкономики.

А.В. Рачинский. Во-первых, хотел бы поблагодарить за приглашение, для меня это большая радость и большая честь. Большая честь, потому что, с одной стороны, можно поговорить о главном. Большая радость, потому что (мы с моим приятелем Эммануэлем Леруа только что это обсудили) такое собрание абсолютно невозможно во Франции, например. Я работал в восьми французских университетах, плюс немало в британских и итальянских. За тридцать лет жизни и работы во Франции я не встретил и двух человек, которых мог бы собрать за столом, чтобы поговорить на темы, которые мы обсуждали. А ведь мимо меня прошли сотни

преподавателей, не говоря уже о студентах. Повторяю, не знаю и двух человек (знаю одного, он румын), с которыми можно было обсуждать эти темы спокойно, не брызгая слюной. Как Эммануэль мне сказал, та свобода, которую он наблюдает здесь, она больше невозможна. То есть Европа не там, Европа – здесь. Именно так я отвечаю на тот вопрос, который поставил – Европа ли Россия, или Россия ли Европа. Европа – здесь, там Европы нет. Вот это и удивительно.

Является ли русская культура частью европейской? Да, безусловно, конечно. Но какая культура Европы без Чехова, без Чайковского, без Достоевского? Но Россия больше, чем Европа. Европа может быть частью России, но Россия не может быть частью Европы. Сейчас Европа только здесь. Шпенглеровская Европа закатилась. Она докатилась. И европейцы это прекрасно понимают, что Европы нет. Я – русский, я – не европеец. Консервативная европейская страна – это Россия. Здесь происходит консервация европейской культуры. Вот пример, скажем (мы сейчас с Михаилом тоже говорили), немецкой философии. Немецкую философию до XX века не знали ни в одной европейской стране, кроме Германии. Во Франции никто никогда не читал Гегеля, потому что никто не знал немецкого языка. Единственный автор, который знал немецкий язык, была баронесса мадам де Сталь.

Реплика. Был один такой Мишле.

А.В. Рачинский. Но он был не философ все-таки. В Италии, в Испании немецкую философию не читали. Конечно, я упрощаю, не хочу сейчас вдаваться в подробности, но немецкую философию знали в России. Единственная страна, которая изучала, знала, интересовалась немецкой философией, была Россия. То есть она была ближе в этом смысле, чем, например, Испания, Италия. Скажем, немецкую музыку во Франции не исполняли. Вагнера вообще до XX века во Франции не исполняли, по разным политическим причинам. Его стали исполнять недавно.

Мы воспринимаем Европу неким монолитом, что вот есть некая Европа и есть Россия. Россия, несомненно, Европа по своей культуре, но Россия больше, чем Европа.

И последнее. Для европейцев сейчас, для французов, например, для историков, нет ни малейшего сомнения, что этнические истоки Европы находятся в России. Родина индоевропейцев – это Россия. В этом нет ни малейшего сомнения. И не важно, что Гимбутас по этому поводу думала, что, дескать, Европа начинается с Атиллы. Европа начинается не с Александра Македонского. Александр Македонский Европой не интересовался, он пошел не в Италию, он пошел в Индию. И вообще, греков Европа не интересовала абсолютно. Греческое наследие в Европе – большой миф. Россия – в гораздо большей степени наследница Греции.

У меня пожелания, во-первых, выработать некоторую методику нашего дискурса; во-вторых, расширить сферу интересов – говорить не только о семье, о семейных ценностях, а и о таких важных консервативных составляющих, как, например, язык. Я – шишковист и считаю, что русский язык и его понятийный аппарат нужно сохранять и расширять. А вместо этого происходит порча, уничтожение русского языка. Или – музыка. Происходит уничтожение мелоса как национальной составляющей, нет русской музыки, нет русской песни. Дальше – нет русской архитектуры, происходит ее уничтожение. Идентичность строится не только на философской основе. Поэтому мы должны заняться методикой и расширить сферу наших исследований.

Б.В. Межуев. Позволю себе высказаться по нескольким моментам нашей дискуссии. Конечно, когда мы говорим о консерватизме, имеет место доля не столько омонимии, сколько полисемии, многозначности. Мы употребляем термин «консерватизм» в двух смыслах. Есть рассказ Альбера Камю «Иона, или Художник за работой», и там известная фраза, которая осталась после художника – то ли объединение, то ли отъединение – одна буква меняет смысл, но остается неизвестной. Я не знаю, как по-французски.

Реплика. Solitaire/Solidaire.

Б.В. Межуев. Solitaire/Solidaire. Вот это слово «консерватизм» такую же роль сейчас играет. С одной стороны, это идеология или философия отъединения от Европы. Мы с помощью слова «консерватизм» пытаемся маркировать

свою попытку пойти какой-то своей дорогой, отличной от пути Европейского Союза. И надо сказать, что для этого не обязательно идти под консервативными знаменами. В свое время Россия, будучи Советским Союзом, отошла от Европы под знаменами совсем другой идеологии, левой, крайне авангардистской. Слово «консерватизм» в Советском Союзе несло в себе презрительные коннотации. Не помню ни одного случая, чтобы в СССР слово «консерватор» употреблялось в положительном смысле.

С другой стороны, совершенно обратный смысл – отъединившись, объединиться. Потому что одновременно обнаруживается, что есть какая-то иная, консервативная Европа, состоящая из людей, которые тоже отрицательно, негативно относятся к проекту Европейского Союза. Это люди разных убеждений, но это преимущественно консерваторы. И с помощью такого маркера, слова «консерватизм», можно найти единство с другой, иной Европой.

Сама по себе двойственность этой задачи, объединения и отъединения, порождает проблемы, связанные с нашим консерватизмом. Мы одновременно хотим доказать, что мы – нечто отдельное, непохожее, и тогда мы выбираем таких консерваторов, которые совершенно не похожи на европейских консерваторов – в частности, того же Шпенглера. А с другой стороны, мы идем обратным путем и пытаемся сказать: нет, мы такие же консерваторы. И тут мы прибегаем к попытке выстраивания некоторых мостов с европейскими (и американскими, кстати, тоже) единомышленниками, которые употребляют этот термин.

И последнее – что мы защищаем? Я убежден, что мы защищаем не какую-то уникальную культуру. Убежден, что российская культура всегда использовала и будет использовать западные формы, обращаться к западным образцам и пытаться освоить западные стили. Всякий расцвет русской культуры почти всегда приходится на заимствование – либо философии, либо символистской поэзии, либо музыки – когда Россия пытается внести в западную форму собственное содержание. Кстати, Шпенглер в этом видел недостаток русской культуры. Я вижу в этом ее достоинство. Я понимаю,

что конфликт не чисто политический, что он имеет сверхполитический контекст: да, политические интересы России и Европейского Союза, России и Евро-Атлантики в целом расходятся, но речь идет не только о политике. Тогда о чем? Проблема в том, что цивилизационные различия не всегда могут быть поняты через наличные проблемы. Католическая церковь отделилась от Православной, Вселенской церкви в результате спора о причастии, каким хлебом причащаться, пресным или кислым.

Реплика. Спор был о филиокве.

Б.В. Межуев. Нет, филиокве не расколото церковь. Раскол церкви произошел в XI веке в результате спора об опресноках. Филиокве не было главной причиной раскола. Главной причиной был вопрос о евхаристии, и мы до сих пор не очень понимаем основания этого спора, настолько они мистически глубоки, настолько они углублены в мистическую суть православного вероучения и литургической практики. Этот вроде бы чисто литургический спор расколото человечество. Протестантизм откололся от католицизма в результате спора о вере как о единственном пути спасения, в отличие от дел, которые не спасают. Этот вопрос сегодня тоже не кажется способным расколото цивилизацию. Цивилизация не расколота в результате победы эпохи Просвещения, которая сняла этот конфликт как второстепенный, сделала его малозначимым, при этом подняв значимость секулярного проекта. Просвещение утвердило новую целостность Европы, расколото по профессиональному признаку, – и это был единственный общеевропейский проект – во всяком случае, до попыток объединить Европу на неких христианских основаниях, которые предпринимались, в том числе, при участии русских консерваторов, Александра I.

Что сегодня разделяет нас? Ясно, что спор о гей-браках – это знак, символ чего-то другого, чего-то большего. Это знак того консерватизма будущего, о котором мы спорили в последней секции. Мой ответ такой: спор идет о патриархальном начале. Не о неравенстве полов, не о какой-то попытке оспорить равноправие женщин, но, по сути, о том, в чем смысл патриархальной цивилизации, почему она была

основана на отцовстве, а не на материнстве и почему Бог для нас символически представлен в качестве мужчины, а не в качестве женщины. Почему первым лицом Святой Троицы является Бог-Отец, а не, скажем, Бог-Мать? В Европе сейчас в принципе нельзя обсуждать такие вещи, саму постановку такого вопроса немедленно примут за сексизм. И в каком-то смысле европейцы правы: христианство, как и все другие авраамические религии, безусловно, мужецентрично, другими словами, патриархально. И что стоит за этой патриархальностью – какая-то глубинная мудрость веков или просто природное доминирование сильного самца над физически более слабой самкой? По существу, это тот самый вопрос, который уже сегодня раскалывает наши цивилизации.

В.В. Ванчугов. Коллеги, буду краток. Задача такого рода мероприятий, организаций типа фабрик мысли в том, чтобы заниматься перебором идей, их комбинаторикой, составлением реестра, спектра возможных событий. Хотел бы обозначить еще одно возможное направление, которое мы упускаем (хорошо, если такой сценарий не реализуется, но мы должны его иметь в виду). В последнее время появляются работы, особенно в англоязычной среде, которые можно подвести под рубрику «Холодная война 2.0», то есть холодная война с новыми опциями. Вчера я не успел обозначить это в докладе – когда мы рассуждаем о типичном немце, типичном французе, ясно, что это некие мифологемы. Мы как бы проговариваем образы самих себя, какими нам хотелось и не хотелось быть. И когда мы говорим о Европе, мы тоже, в общем-то, продолжаем говорить о России, о ее положительных и отрицательных моментах. Так вот Европа и является сейчас ареной «холодной войны 2.0».

В связи с этим процитирую недавний ответ Джорджа Фридмана на вопрос: «Что является главной угрозой национальной безопасности Штатам, да и вообще всему миру? Не являются ли такой угрозой движение ИГИЛ и мусульманский экстремизм?». Фридман заявил, что эта проблема уже даже не вторичная, а третичная. Для людей, принимающих решения, это уже не угроза. Главная угроза – это возможное соз-

дание Большой Европы, это возможный союз России и Германии, чего Америка не должна допустить.

Таким образом, если холодная война первой формации – это негорячий конфликт между США и СССР, то сейчас имеет место опосредованное противостояние по поводу Большой Европы – нельзя позволить сформироваться этой Большой Европе. И поэтому, занимаясь изучением, постижением Европы, занимаясь самопознанием, пересматривая наше философское наследие, мы подходим к этому совершенно прагматично, используя его для актуальной политики, потому что по иронии судьбы часть идей, которые не получили развитие в свое время, оказываются востребованными спустя какое-то время. Мы активизируем наше творческое наследие ради актуальной политики. Необходимо быть готовыми к «холодной войне 2.0», которую придется вести в гуманитарной среде, в интеллектуальном пространстве.

Б.В. Межуев. Спасибо, Василий Викторович. Ирина Сергеевна расскажет нам потрясающий сюжет о родственных связях двух людей, в отношении которых я не мог даже представить, что они находятся в родственных связях.

И.С. Кузнецова. Дорогие коллеги, вы, наверное, помните, что единство мира Александр Македонский пытался организовать, в том числе, через браки. У Иммануила Канта был младший брат Иоганн, который, став священником, отправился работать в Российскую империю, в Ригу. У него были дети, среди них дочь Гертруда. Иоганн умер. В 1803 году Гертруда собралась выходить замуж за русского барона немецкого происхождения в Риге и попросила у Канта благословения. Иммануил Кант выразил большую радость по этому поводу – все-таки внучка бедного ремесленника становилась русской баронессой. Они переехали в Петербург, и там у них родилась дочь, которая впоследствии вышла замуж за Михаила Николаевича Лермонтова, двоюродного брата Михаила Юрьевича, который стал потом адмиралом. Их потомок – Юлия Лермонтова, знаменитый химик, первая у нас женщина-химик. Мои студенты-химики с радостью вспоминают, что у них в учебниках есть реакция Лер-

монтовой-Бутлерова. Вот такие замечательные связи существуют – у нас, можно сказать, вся Европа в родственниках.

Б.В. Межуев. Действительно, это интересный факт. Недавно мне про одного нашего коллегу говорили, что он потомок Канта (к сожалению, не помню, о ком шла речь). Я был удивлен, зная уединенный образ жизни великого философа, но мне сказали, что у Канта был брат и у брата есть потомки. И кто-то из наших, правда, не консерваторов, а либералов является потомком Канта. Может быть, кто-то вспомнит его имя, он довольно известен.

И.С. Кузнецова. Один из этих потомков, окончив Томский университет, строил «Уралмаш», и газета «Социалистическая индустрия» опубликовала статью: «Внучатый племянник Канта строит социализм».

Б.В. Межуев. Спасибо. У Владимира Францевича Эрна была статья «От Канта к Круппу». Он считал, что военное производство Германии происходит от Канта. Это еще раз доказывает, насколько славянофильская критика Канта носит односторонний характер. Не только германское, но и советское машиностроение имело кантианские корни.